

Соратники мои — ученики

Старшему поколению учителей хорошо известно имя Ленинградской учительницы Народного учителя СССР Татьяны Ивановны Гончаровой.

Человек удивительных нравственных качеств, гражданской позиции, она была учителем от Бога.

Её уроки стали профессиональным «магнитом» для многих её коллег из школ Ленинграда и других городов страны.

Сегодня 536 школа носит её имя.

Предлагаем вашему вниманию раздумья из обширного педагогического наследия

Татьяны Ивановны Гончаровой.

*Татьяна
Гончарова,
Народный
учитель
СССР*

В этом многие сомневаются: «Какие там соратники! Разве могут быть несмышлёныши равноправными партнёрами специалиста с высшим педагогическим образованием?!»

Могут. Скажу сразу: для меня ученик — всегда Человек с большой буквы, чьи возможности необычайно богаты. Ему нужно лишь внушить это и создать условия, чтобы он мог в полной мере проявить высокие человеческие чувства.

Последние двадцать лет немало пишут и говорят о необходимости активизации учащихся. Но само понятие «активизация» лишено определённости, нет объективных критериев оценки активности. Может быть, потому-то в этом направлении сделано слишком мало.

Однажды 4346 учеников восьмых-десятых классов города выполнили письменные задания на тему «Уроки, которых я всегда жду». Как оказалось, уроков истории ждал лишь каждый четвёртый из них. Эта цифра меня ошеломила. Мы призваны формировать у детей историческую память, диалектическое мышление и высокие нравственные качества. Откуда же берёт свое начало равнодушие ребят к урокам истории? Не могу утверждать, что дам исчерпывающий ответ, но мне кажется в корне неверным, когда ученик получает готовые знания из учебников и рассказа учителя, заучивает, повторяет и воспроизводит, словно грампластинка, готовое, чужое знание. Оно, как известно, лишь в малой степени может помочь человеку в самовозведении собственного духовного мира.

Посещая ежегодно уроки в школах района, я неизменно задаю ребятам такой вопрос: «Случается ли вам быть соавторами, то есть вместе с учителем определять тему урока и его замысел, планировать содержание, своими вопросами, репликами, дополнениями ставить учителя перед необходимостью перестраиваться на ходу?» Чаще всего мне отвечают: «Нет!»

За этим моим вопросом обычно следует второй: «Чем вы любите заниматься на уроках?» Почти всегда мне отвечают: «Слушать учителя». Что ж, это замечательно, что многие учителя мастерски ведут свои занятия, являются отличными рассказчиками. Но где же настоящий труд самих учеников? Почему они не любят участвовать в беседах, диспутах, семинарах и конференциях, изучать первоисточники, готовить сообщения и доклады?

Просто слушать или самостоятельно решать задачи, требующие напряжения мысли, — далеко не одно и то же. К высотам знаний поднимают школьников им самим найденные ответы. А из года в год слушать учителя — значит потребительски относиться к усвоению начал духовной культуры.

У многих школьников нет стремления учиться как можно лучше, как можно требовательнее относиться к себе. Часто на уроках наблюдаешь не познавательный труд, а просто баловство. Результаты его нулевые. И никакого намёка на мучительный стыд от такой профанации учения. Многим школьникам неведомо состояние, ког-

да голова начинает кружиться от умственного напряжения. И это объяснимо: дети не учатся, а играют в учёбу, не трудятся, а барствуют. Труд-иллюзия — наверное, так можно назвать то, что происходит за школьными партами.

Разговоры об этом набили оскомину, а проблема остаётся нерешенной. Видимо, чего-то мы не учитываем в учебно-воспитательном процессе. Укорять учеников? Винить их во всём? Это не даёт никакого эффекта. Значит, их надо учить иначе, чем мы делали до сих пор.

Пассивность учеников — прямое следствие ненормальных, противоестественных условий учёбы: мозг школьника, если говорить по большому счёту, просто-напросто бездействует. Между тем любой человек обладает врождённой потребностью к активному познанию окружающего мира.

Около двадцати лет мы собираем и анализируем ответы старшеклассников на нашу анкету. «Какие жанры урока вы считаете наиболее интересными, поучительными, ценными для вашего исторического образования: урок-беседу, урок-семинар, урок-диспут, урок-лекцию, урок изучения текста учебника, урок анализа первоисточников или художественного чтения историко-литературных произведений?» Как правило, картина предстаёт одна и та же: особо притягательными представляются школьникам такие жанры урока, которые служат толчком к размышлению, к самостоятельной работе, к своему собственному толкованию фактов, событий,

явлений. Это беседы, семинары и особенно диспуты.

Главная педагогическая задача сегодня — сделать нашими соратниками тех, кто погружён в стихию созерцательного иждивенчества, не любит умственно трудиться, приучился пользоваться плодами деятельности учителей и авторов учебников. Таких «потребителей» нужно постепенно, без нажима и спешки, приучать к творческой работе. Здесь перед нами — необозримая педагогическая целина. Её предстоит вспахать, засеять, обработать. Чтобы добиться этого, необходимо прежде всего перестроить собственную психологию нам, учителям. А это очень и очень нелегко.

Помню свои первые шаги на школьной ниве.

Много читала. Была буквально снедаема жаждой обрушить на учеников водопады цифр, легенд, занимательных историй. Сознывая свою власть над обильным материалом, я упивалась возможностью и умением передавать юным слушателям факты и объяснять исторические закономерности. Я щедро одаривала детей своей эрудицией, своим видением прошлого и настоящего. Случались минуты и часы, когда они, замороженные, внимали моему слову. Так и чудилось порой: это — птенцы, раскрывающие свои клювики для получения духовной пищи. Но когда я подводила итоги, то обнаруживала, что между мной и учениками нет «обратной связи». Они не умели ставить вопросы, формулировать проблемы, осознавать трудности, находить пути решения задач, поставлен-

ных перед ними. Это была расплата за мои монологи: я заставляла детей «заглатывать» то, что было найдено другими.

Начались мучительные размышления.

В ранней юности я прочитала роман Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Особенно врезалась в память глава об укладе жизни у телемитов. Отыскивая истоки своих педагогических промахов, я перечитала её и поразились прочитанному: в Телемской обители каждый оказывался учителем и для самого себя, и для других. И я подумала: не в этом ли направлении нужно искать ключ к проведению уроков по-новому?

Примерно в это же время мои мысли устремились к античности, в частности к Сократу. Все авторы, писавшие о нём, единодушно утверждали: приобщение к культуре протекало в форме живой беседы между философом и остальными участниками. Все вопросы они рассматривали диалектически, вели оживлённые диалоги, сообщая выявляли противоречия и, анализируя их, находили путь к истине. Собеседники спорили, не цеплялись к словам, старались вникнуть в суть сказанного другими. Вот почему даже горячие споры никогда не приводили к распрям.

Своих слушателей и собеседников Сократ не считал учениками, хотя все они называли его своим учителем. В каждом философ видел своего друга, которому не вкладывал в голову готовые истины, а вместе с ним искал ответы на возникшие вопросы, опираясь на ра-

нее усвоенный учеником духовный багаж...

Это был удивительно плодотворный путь творческого и увлечённого освоения умственной культуры.

Однажды мне посоветовали прочитать педагогические сочинения Льва Николаевича Толстого и воспоминания о нём. Когда я открыла книгу гениального писателя, то сразу же наткнулась на такую строку: «Дети приходят заниматься, и я учусь с ними». Это поразило меня. Как гениальный человек мог учиться у неграмотных, не приобщившихся к настоящей культуре деревенских детей? Но я поверила Толстому, поделилась своим открытием с друзьями, знакомыми, коллегами. Однако их реакция оказалась иной: «Слова Толстого „учусь с ними“ — это просто кокетство писателя, громкая фраза и ничего больше». И тогда я решила неторопливо (хотя обычно читаю очень быстро) прочесть оба тома воспоминаний о писателе. Моё внимание привлёк рассказ французского слависта Поля Буайе о его разговоре с бывшим учеником Льва Николаевича. Встретившись затем с самим писателем, он сказал, что получил огромное удовлетворение от беседы с его учеником. Меня порадовали слова Л.Н. Толстого: «Да, эти люди — тоже мастера... Я заботливо отмечал все их выражения... Чтобы написать «Власть тьмы», я широко использовал свои записные книжки».

Затем из прочитанного я узнала нечто совсем уж неожиданное. Оказывается, когда у

Льва Николаевича, который сам вёл уроки в деревенской школе, возникла нужда в «переходной литературе» от фольклора к произведениям классиков, то он не смог обойтись без помощи детей. Толстой нашёл необычный способ создания нужных ему произведений: рассказывал содержание какого-то литературного произведения или читал его вслух, а ученики пересказывали услышанное со своими замечаниями и дополнениями. «Отредактированное» всем классом, это произведение затем вписывали в тетради.

При создании «Азбуки» и «Книг для чтения» Лев Николаевич пользовался этим же уникальным методом. А в дальнейшем охотно использовал его при переработке всех произведений, адресованных народу.

Вдумаемся в это. Все вдумаемся — и теоретики, и учителя-практики! Лично я извлекла для себя важнейший вывод: не смотреть на детей со стороны, сверху вниз или присаживаясь на корточки, а быть вровень с ними, учить их и самой учиться у них.

Однажды на уроке истории в четвёртом классе у меня побывала Изабелла Васильевна Гиттис, методист по истории России из ЛГПИ имени А.И. Герцена. Моя любимая тема — восстание декабристов. Готовилась я к ней увлечённо. Урок захватил ребят. Они слушали, затаив дыхание. Прозвенел звонок. Изабелла Васильевна спросила меня:

— Ну как, Татьяна Ивановна, удался вам урок?

— По-моему, удался. Всё успела рассказать и показать.

Татьяна Гончарова
Соратники мой — ученики!

— А что делали ребята? — вновь спросила Изабелла Васильевна.

— Как что? Слушали.

— Правильно. Слушали, но не работали.

— Они же отвечали на мои вопросы!

— Вопрос вопросу рознь. Давайте-ка разберёмся в этом.

И моя наставница стала анализировать урок. Она говорила о находках и неудачах, показывала, как нужно было поставить вопрос, где стоило сделать паузу в рассказе.

Два часа продолжался этот разбор. Видя, что я совсем приуныла, Изабелла Васильевна вдруг улыбнулась и сказала: «А вообще-то вы умница и молодец. Любите свой предмет. Много знаете. Я уверена, что всё у вас получится. Надо только по-настоящему понять психологию ребят, полюбить их. Не разрешите ли мне провести в вашем классе следующий урок?»

И вот он начался. Тихий голос Изабеллы Васильевны, её удивительно добрые глаза, обаятельная улыбка сразу расположили ребят. Гиттис вела с ними неторопливую беседу, спрашивала, с интересом выслушивала ответы. И ученики — даже самые застенчивые — заговорили, оживились. Почти три десятка лет минуло с того дня, но и сейчас я вижу лес рук в классе талантливого педагога, научившего меня понимать своих учеников.

Потом были частые консультации у Изабеллы Васильевны. Она снова и снова приходила на мои уроки, несмотря на свою занятость и тяжёлую бо-

лезнь. А затем состоялся обобщающий урок, подготовку которого Изабелла Васильевна целиком доверила мне, хотя пригласила на него студентов пединститута.

Урок удался. После звонка Изабелла Васильевна поблагодарила меня, учеников и сказала:

— Дети, в течение года я приходила на ваши уроки и теперь убедилась, что вы хорошо знаете историю. А почему? Кто ответит?

— Мы любим её, — раздался голоса.

— Чем же она вам так нравится?

Наверное, полчаса Изабелла Васильевна задавала ребятам вопросы, а они увлечённо отвечали на её «почему», «кто», «когда» и «как».

Когда я стала учителем истории в 431-й школе, мне так не хватало общения с моим мудрым и чутким наставником: к тому времени Изабелла Васильевна уже ушла из жизни. В трудные минуты я всегда вспоминала её и следовала её советам. Она научила меня вовлекать ребят в подлинно творческую работу. Общение с Изабеллой Васильевной помогло мне понять, что эффективность обучения определяется прежде всего тем, в какой мере ученики заняты самостоятельным поиском истины. Нет подлинного обучения без самообразования и нет самообразования без обучения.

С глубокой благодарностью вспоминаю и директора 431-й школы Виталия Карповича Морозова. Будучи по образованию биологом, он очень

тонко анализировал мои уроки истории. По-отцовски доброжелательно глядели на меня его умные пронизательные глаза, когда он говорил:

— Мне кажется, по теме «Воспитание нового человека» нужно провести урок-диспут. Дай ребятам задание на следующем уроке — пусть подумают над вопросами. Да пригласи-ка на диспут интересных людей.

Кого же пригласить?

— А это мы сейчас решим... Кстати, я подобрал тебе для этой темы несколько книг и статей. Почитай. Может быть, найдёшь там что-либо полезное для себя.

Вечером открываю книги, просматриваю статьи. И вот уже рождаются в голове новые мысли, вырисовываются контуры будущего диспута.

После него Виталий Карпович улыбнулся мне, весело подмигнул:

— Мы ещё и не такие диспуты проведём!

Прекрасный человек, замечательный педагог, он научил меня постоянно искать оптимальные варианты уроков и вечеров. Он всё время подчёркивал:

— Учитель истории — центральная фигура в школе. Помни об этом.

Да, я понимала, что очень многое в вопросах идейно-политического и нравственного воспитания школьников зависит от меня, от качества моих уроков, политинформаций, вечеров, конференций. А времени для подготовки было так мало! И опять на помощь приходил Виталий Карпович.

— Не забывай, — наставлял он, — что у тебя сотни помощников. Пусть твоих политинформаторов возглавит один из них, самый надёжный. Переложу на него часть забот. А ассистенты в классе? Они должны не только повесить карту или картину, но и проверить, кто что прочитал, как выучил заданное... Родителей почаще привлекай себе на помощь. Это же силища, если уметь ею распорядиться!

И шли родители с небольшими группами моих учеников по воскресеньям в Эрмитаж, Александро-Невскую лавру, Петропавловскую крепость, уезжали с ними в Петродворец и Павловск, водили экскурсии по улицам города.

Вот если бы каждому учителю встретился на пути свой Виталий Карпович!

Сейчас, когда у меня за плечами десятилетия работы в школе, я могу точнее поставить «диагноз» нашей серьёзной педагогической болезни, найти средства для её лечения.

«Диагноз»: школьники редко вовлекаются нами в подлинно творческую работу. Чаще всего они получают знания в готовом виде, даже не задумываясь над услышанным или прочитанным. Они напоминают мне безропотных исполнителей сценария, приготовленного учителем, а сам урок — театр одного актёра. Пассивная позиция школьника — главное зло в современной педагогике.

«Лечение»: ученик — не менее важный участник процесса обучения, чем учитель, с огромным творческим потенциалом. Поэтому тот преподаватель современ-

нен, кто формирует своих учеников как соратников и в какой-то мере коллег. Современная школа — та, в которой учитель окружён не просто единомышленниками, но и партнёрами.

Пусть интеллектуальная энергия учеников, для которых невыносимо скучен процесс потребления знаний, найдёт выход в собственной познавательной активности. Учить детей ставить вопросы, находить на них ответы или, по меньшей мере, задумываться над ними — наше призвание.

Мы должны постоянно возбуждать у школьников «умственный голод», поддерживать и развивать у них ненасытную любознательность к окружающему миру. Такая черта всегда свойственна людям неординарным, увлечённым, которым жизнь представляется как бесконечная цепочка вопросов.

Ребёнка называют «почемучкой». И это справедливо: никто не задаёт столько вопросов, сколько задаёт их ребёнок. Но с годами эта чудесная пытливость зачастую идёт на убыль. Причину столь печального явления очень тонко уловил поэт Самуил Яковлевич Маршак в одной из своих лирических эпиграмм:

Он взрослых изводил
вопросом «почему?»,
Его прозвали «маленький
философ».
Но только он подрост,
как начали ему
Преподносить ответы без
вопросов.
И с этих пор он больше никому
Не досаждал вопросом
«почему?».

Сугубо информативное, точнее, даже директивное изложение материала приводит к тому, что у человека притупляется любознательное отношение к действительности, оно высыхает, подобно колодцу. Окружающий мир постепенно перестаёт быть источником вопросов и проблем. Человек не ищет в нём иного смысла, кроме того, который очевиден, лежит на поверхности. Знания становятся обыденными, почерпнутыми преимущественно из повседневного, житейского обихода, наивного восприятия явлений, из накопленных стереотипов мышления и догм.

Можно ли развить в ученике иное отношение к жизни? Разумеется, можно. Лучшее подтверждение этому — деятельность выдающихся наставников молодёжи, которые специально формировали у своих воспитанников такие качества, как любознательность, вдумчивость и критичность, умение мыслить нестандартно. А.И. Герцен, блестящий пропагандист науки и искусства, говорил, что ему хотелось бы не столько сообщать молодёжи те или иные сведения, сколько научить её спрашивать. Не грех ныне вспомнить и академию Платона, и лицей Аристотеля.

Обучение в истинном смысле этого слова существует там, где у школьников есть живой интерес к познанию окружающего мира. Этот интерес — ключ к духовным высотам.

Посещая каждый год уроки истории и обществоведения в разных школах, я нередко вижу полнейшее равнодушие на лицах ребят. Да и как не быть

ему, если прошлое зачастую подаётся без всякой связи с настоящим и будущим?

Сегодняшний день должен властно вторгаться в уроки истории. Но каким образом? Ответить на этот вопрос непросто. Во всяком случае, я сама сейчас не берусь отвечать на него, не готова к такому ответу. Но, думается, кое-что в моём педагогическом опыте может оказаться полезным и для других учителей.

Как-то один научный сотрудник сказал мне:

— Целую неделю посещаю ваши уроки и заметил, что вы, вопреки всем рекомендациям, не спешите начать урок. То рассказываете детям об экскурсии в музей станционного смотрителя, то обсуждаете с ними статью из «Литературной газеты» или какие-то школьные проблемы. Это что — специальный приём, помогающий настроить ребят как бы на одну душевную волну с вами?

Нет, не только «специальный приём».

Я вспоминаю Александру Ивановну Вельскую, с которой работала в школе-интернате № 2, учительницу начальных классов. У неё была нелёгкая жизнь: больной муж, сама тяжело болела, растила двоих детей. Но после очередной бессонной ночи Александра Ивановна всегда входила в класс с улыбкой, как ни в чём не бывало. Эту улыбку она дарила и нам, молодым и неопытным. Всегда нарядная, подтянутая, приветливая — такой мы видели её в учительской, такой её запомнили и ученики.

Начинать свои уроки Александра Ивановна вроде бы во-

все не торопилась. «Так как же мы прожили вчерашний день?» — с этих слов начинала она утром первый урок. Терпеливо выслушивала сбивчивые речи учеников, сочувствуя домашним огорчениям, радуясь всему светлому, что произошло накануне. И как-то совершенно незаметно этот разговор перетекал в очередное занятие. Дети доверяли Александре Ивановне, как никому другому. «В каждом ученике, — говорила мне Вельская, — я вижу личность и своего единомышленника». Эти её слова навсегда запали в душу, стали неотъемлемой частью моего педагогического кредо.

История — это день позавчерашний, вчерашний и сегодняшний. И даль веков, и недавнее прошлое нередко дают ответ на вопросы, которые волнуют наше общество сегодня. Глядя в прошлое, мы видим и оцениваем настоящее. И всё же есть потребность в том, чтобы размыкать рамки времени, чтобы в них врывалась современность. Путь здесь один — расширение учебных программ, оперативный отклик на общественные веяния, на события в жизни страны.

Стоит кому-то из моих ребят прочитать научную заметку, статью или брошюру, увидеть фильм или спектакль, оставивший след в душе, побывать на встрече с учёным или писателем — и класс тотчас узнаёт об этом. Ничто серьёзное, значительное, происходящее в жизни, не проходит мимо школьного кабинета истории: конгресс историков, встреча крупных государственных деятелей, новые открытия археологов и т.д.

Татьяна Гончарова
Сорагники мой — ученики!

Постоянная связь истории и современности вырабатывает у ребят чуткий слух на веяния нашего времени. Дети эмоционально и духовно как бы воочию участвуют во всём, что волнует людей, прогрессивное человечество.

При изучении истории юному человеку непременно нужен двойной угол зрения: видеть факты прошлого как таковые, и вместе с тем сопоставлять их с фактами сегодняшнего дня.

Меня часто спрашивают:

— Вы не жалеете, что пропадают самые драгоценные минуты в начале урока, когда ученики способны всё воспринимать особенно остро?

На это я отвечаю так:

— Нет, нисколько не жалею. Ребята настраиваются на общение друг с другом и со мной. Эта настройка чрезвычайно важна. Ученик не сформирует своё историческое мышление, если будет изучать лишь собственно историю. Её творческое постижение немыслимо без знания глубин и просторов духовного мира. А он, этот мир, включает в себя сведения по философии, экономике, социологии, психологии и многое другое.

— Но в таком случае, — утверждают иные коллеги, — вы не успеваете в полном объёме изложить тему урока.

А я и не стремлюсь к этому. Когда вечером обдумываю её, то прежде всего сосредоточиваюсь на том, чем заинтересовать ребят. Мой рассказ и учебник должны стать для них только толчком, побудительным мотивом к самостоятельной работе. Истинный урок —

это всегда диалог учителя и учеников.

Практика показывает, что ученики обычно работают после урока, а не до него. А нельзя ли добиться того, чтобы они готовились к нему? Ведь только в этом случае и возможен настоящий диалог. Кое-кто из учителей рекомендует школьникам читать учебник и по нему готовить вопросы для урока. Я пыталась делать то же самое, но быстро отказалась от такой практики: учебники не дают повода для вопросов.

Тогда я пошла по иному пути. Перед летними каникулами стала сообщать темы программы, которые предстоит изучать в новом учебном году, давать перечень различной литературы, проводить её обзоры. Начинается учебный год — вновь напоминаю сказанное перед каникулами. Поэтому, как правило, многие ребята вскоре приходят на уроки, представляя, о чём пойдёт речь, уже чем-то озадаченные.

Если учитель всё рассказывает до конца, то что же остаётся на долю школьников? А если не расставлять все точки над «и»? Тогда объяснение расчленяется, как бы обрываясь на полуслове: что-то в нём опущено, что-то подано слишком фрагментарно. Небрежность учителя? Нет, осознанная незавершённость. Это — искусство недомолвок, педагогического подтекста, рассчитанного на то, чтобы раззадорить ученика. Чем меньше ярких незавершённых объяснений, тем больше простора для напряжения всего психического аппарата школьника — его мышления, чувств,

воображения, памяти. Намёки заставляют додумывать, досказывать то, что мог сказать, но не сказал учитель. Так устанавливается незримый контакт между ним и учениками.

Как это выглядит на практике? Скажем, в пятом классе школьники изучают мифы древней Греции, поэмы Гомера. После традиционных вопросов даю ребятам задачу посложнее: «Каким вы представляете себе автора «Илиады» и «Одиссеи»? Что могли бы рассказать о нём?» Учебник на эти вопросы ответа не даёт. Надо порыться в литературе, самим попытаться найти новые сведения и факты, отобрать наиболее интересные, а значит, проанализировать, вывить своё отношение к ним.

Рассказывая о походе греков на Трои, о том, как постепенно наука открывала для себя этот период истории человечества, обращаюсь к исследованиям знаменитого археолога Г. Шлимана, несколькими штрихами рисую его портрет, чтобы вызвать желание узнать об этом человеке побольше. Класс заинтересовался, внимательно слушает. Тогда я вношу в образ археолога конкретные детали: где и когда родился, в какой семье рос, какими чертами характера обладал.

По многолетним наблюдениям, интерес подростков к личности выдающихся людей начинается, казалось бы, с самых мелких, незначительных фактов их биографии.

Так происходит и на этот раз. Буквально через несколько секунд после моего лаконичного рассказа об учёном выясняется, что главное для ребят не то,

что я сообщила им, а то, что намеренно не досказала. Словно сговорившись, они спрашивают:

— А что же было дальше?

Словом, ждут от меня ответа.

— Ответы найдёте сами, — говорю им. — Запишите названия статей. Они помогут вам подготовить интересный рассказ о поисках и находках Шлимана.

Всегда есть те, кто готов к самостоятельному поиску. Им я и поручаю подготовить ответы, чтобы через две-три недели рассказать о прочитанном одноклассникам. Выступление нескольких рассказчиков всегда вызывает у соучеников движенье мысли, заставляет работать их воображение. Никто не остаётся сторонним наблюдателем. Все начинают сопереживать, рвутся что-то добавить, домыслить, уточнить.

Вопросы задают тогда, когда интересно. Поэтому учитель должен уметь в своей информации сочетать деловитость с занимательностью. Но и в этом случае нам надо помнить о том, что школьников интересует не «остывшее» прошлое, не зола истории, а живые приметы времени.

История ассоциативна. Поэтому очень важно, куда именно направит учитель ассоциации своих воспитанников. Нельзя допускать поверхностных и нарочитых намёков. Любой исторический материал можно подать так, что он найдёт отклик в детских душах.

Изучается тема «Победа демоса и укрепление государства в Афинах». Пятиклассники молча читают клятву афинских

юношей при поступлении на военную службу. Затем прошу их задавать друг другу вопросы — не абы-какие, а оригинальные. И вот раздаются голоса:

— Какие слова клятвы тебе особенно нравятся?

— К чему она призывает?

— Какие качества воспитывает в гражданах?

О стремлении учеников узнавать нечто новое, близкое нам по времени, свидетельствует вопрос, обращённый уже ко мне:

— А какую клятву дают при присяге наши воины?

Современная жизнь рождает множество сложнейших вопросов как у взрослых, так и у детей. Обычно считается, что учитель, в отличие от своих учеников, на всё может найти ответ. Но ведь это не так! Если ученик не является соратником педагога на уроке, то все усилия последнего обречены на провал. Одному всё знать невозможно. Вот почему очень важно, чтобы школьники постепенно учились строить вопросы, чётко формулировать их, ставить так, чтобы ответ можно было бы поискать сообща. Обычно это те самые вопросы, на которые не найдёшь ответа ни в одном учебнике. Вот и отлично. Усваивать чужие мысли намного проще, чем самому ломать голову в поисках решения. Идти непроторёнными путями — нелёгкая, но счастливая доля. И мы должны помогать ученикам выбраться именно на такой путь.

Я вспоминаю некоторые вопросы, заданные мне на уроках истории, обществоведения, ос-

нов советского государства и права:

— Почему проблема сельского хозяйства стала общенародной?

— Какие исторические факторы особенно сильно повлияли на формирование нашего национального характера?

— В людях старших поколений есть разные качества: и со знаком «плюс», и со знаком «минус». Какие качества нам необходимо сохранить, от каких надо избавляться?

— Каждая эпоха предъявляет к человеку особые требования. Каковы они сегодня? В каком человеке нуждается наше время?

— Как история отвечает на вопрос: «В чём смысл и счастье жизни?»

Что и говорить, вопросы сложны чрезвычайно. Вместе с тем они открывают возможность для полемики. Подлинная дискуссия — самый яркий показатель плодотворности нашей работы. Но спорить надо уметь. Нужна культура спора. Чтобы овладеть ею, требуется немало времени.

Разумеется, без учительских советов классу не обойтись. Вот лишь некоторые из них:

— в споре будьте готовы к тому, что ваши доводы встретят с сомнением или скептически, что они вызовут сопротивление оппонентов. Не считайте такое отношение к сказанному вами ни глупостью, ни консерватизмом, ни предвзятостью к вашей точке зрения. Надо найти в себе силы, чтобы доказать свою правоту вескими аргументами.

— Не спорьте только лишь из-за желания поспорить.

— Людей без ошибок не любят. Не бойся ошибаться.

— Истиной овладевают вопрошающие умы.

— Если тебя победили в споре, но ты продолжаешь думать о его предмете, то это значит: после поражения ты торжествуешь победу.

— Спор — явление желательное, конечно, если он проходит в обстановке умственного соревнования. Разногласия неизбежны. Но сам спор ни для кого не обиден. Важно только, чтобы он не свёлся к взаимным обвинениям.

— Выработывайте в себе культуру публичного выступления. Обычно не достигает успеха тот, кто потрясает кулаками, старается перекричать других.

Но главное — мастерство учителя вести полемику, его позиция, а если брать проблему шире — сам характер приобщения воспитанников к науке. Учитель должен благожелательно слушать, мысленно вживаясь в каждую точку зрения, не задевать никого из спорящих, углублять разные оттенки мыслей. Ему приходится сталкивать противоречивые мнения и оценки, вызывать учеников на возражения, показывать им возможность подхода к вопросу с разных сторон. Смысл всего этого прост: из столкновения точек зрения рождается истина.

Иногда спор вроде бы ни к чему не приводит: авторы различных точек зрения остаются при своём мнении. Но и в этом случае учитель не высказывает «самое последнее слово». Ведь порой ценен не ответ, не конеч-

ный результат, а путь к нему, сам процесс полемики на равных.

Позиция, в которой ученик выступает лишь исполнителем сценария учителя, чужда мне: она мертвит разговор, гасит искры самобытности.

Самообразование школьника в подлинной своей сути проявляется тогда, когда он встаёт за учительский стол. Вот тут-то он начинает учиться по-настоящему — и для того, чтобы сдать экзамен, и для того, чтобы знать... Полученные знания нужно приложить к делу. Вот что кардинально меняет психологию ученика, преображает его. Тот самый школьник, который дрожал в ожидании минуты «вот-вот вызовут», с нетерпением ждал окончания урока, занимался на нём посторонними делами, теперь ведёт себя совершенно иначе — по-деловому, с чувством собственного достоинства. Перед ним — сложнейшая педагогическая задача: узнать больше, чем написано в учебнике, и впечатляюще, содержательно рассказать об узанном своим товарищам.

Клуб «Знатоки»

После каждого более или менее интересного занятия ребята буквально засыпают нас вопросами. Особенно много вопросов возникает на уроках обществоведения. Где найти время для ответов на них? Помогла мне в этом «Учительская газета», которую выписываю уже почти сорок лет. В каждом её номере нахожу для себя что-то новое. Однажды открыла свежий

номер, а в нем целая страница занята корреспонденцией В. Бианки «10 000 вопросов». Заинтересовалась заголовком. Стала читать. Оказывается, речь шла об интересном опыте ленинградского учителя П.А. Островского, который ответил на десять тысяч ребячьих вопросов. «Ага,— подумала я,— вот именно то, что мне надо». Но Петр Антонович отвечает на вопросы письменно, в его школе постоянно обновляется стенд «Вопросы и ответы». А что, если сделать иначе?

Утром, на первом же уроке, рассказала ребятам о прочитанном.

— Вот бы и у нас так, — размечтались они.

— Нет,— сказала я, — должна вас огорчить. Я не смогу работать так, как Пётр Антонович. И времени у меня не хватит на письменные работы, и эрудиции.

— А мы на что? — восторжничали В. Капустин и В. Ракушкин.

— Что же вы предлагаете?

Предложения посыпались одно интересней другого.

Так родился наш политический клуб «Знатоки».

В кабинете истории поставлен небольшой ящик для вопросов. Бросить в него записку может каждый. Ежедневно президент, вице-президент и секретарь клуба (выбираем их на общем собрании) вынимают записки, группируют вопросы по темам и записывают в книгу «Знатоков». После этого обсуждаем, кто может ответить на тот или иной вопрос. Актив клуба велик. В него входят комментаторы политических собы-

тий, знатоки экономики, любители искусства, будущие медики и химики, биологи и физики, эрудиты-книголюбы.

Вопросы ребят очень интересны. В них — проблемы сегодняшнего дня, зачастую острые. И мы никогда не стремимся сгладить эту остроту, ведём честный и откровенный разговор, ни о чём не умалчивая.

За неделю до очередного занятия клуба (собираемся раз в месяц) появляется объявление, перечисляются вопросы, о которых пойдёт речь. Приглашаются все желающие. Зазывать никого не надо, клуб очень популярен. Что привлекает в нём ребят? Атмосфера доверия, уважения, коллективного поиска истины. Учитель и ученики чувствуют здесь себя на равных.

Известно, что для педагогического успеха нужна правдивость. Наше непреложное правило — спрашивать в открытую. Но ещё большее мужество требуется при ответах, поскольку вопросы, как я сказала, касаются самых разных сторон современной жизни. Вот некоторые из них: «Хотим знать правду о вреде пьянства. Назовите цифровые данные!», «Почему так вяло боремся со взяточничеством, почему бы не вернуться к тем крутым мерам, которые существовали при В.И. Ленине?», «Чем объяснить отъезд евреев из нашей страны?», «Почему так долго замалчивалась у нас проблема наркомании?»...

Весь стиль работы клуба призывает его участников мыслить самобытно, думать откровенно, не кривить душой.

При подготовке к занятиям клуба приходится в поисках ответов рыться в многочисленных справочниках, газетах и журналах, посещать лекции, искать специалистов в той или иной области. Иногда ответ на какой-нибудь вопрос рождает тему следующего занятия. Так, отвечая на вопрос о биографии Р. Рейгана, ребята предложили одно из занятий специально посвятить проблеме «Кто правит Америкой?». Вопрос о биографии Гитлера перерос в занятие «Идеология фашизма», а вопрос о том, кто такие панки, хиппи, пацифисты и т. д., — в занятие «Молодёжные организации Запада».

Те, кто бывает у нас на занятиях клуба как гости, часто спрашивают меня: «Вы не боитесь всех этих вопросов?»

Нет, не боюсь... Жаль только, что мало клубов, подобных нашему, и в Ленинграде, и в стране. Наверное, потому ма-

ло, что слишком хлопотно ими заниматься. Но они же так нужны ребятам! Я сужу об этом по «Знатокам». Как бы ни были заняты школьники, но лишь только появилось объявление о предстоящем заседании клуба — закипела работа, все другие дела отходят на задний план.

Никто из участников клуба ни разу не сказал мне: не могу, нет времени. Плохо подготовиться к заседанию — это позор. Нельзя обмануть ожидания товарищей. Поэтому готовятся все, не щадя себя, не жалея времени на подготовку. С девятого класса мои ученики выписывают не только газеты, но и политические и экономические журналы, со знанием дела анализируют их.

И на уроках работать удивительно интересно: я вижу перед собой не просто учеников, а немало знающих, серьёзных собеседников.

Татьяна Гончарова
Соратники мой — ученики!